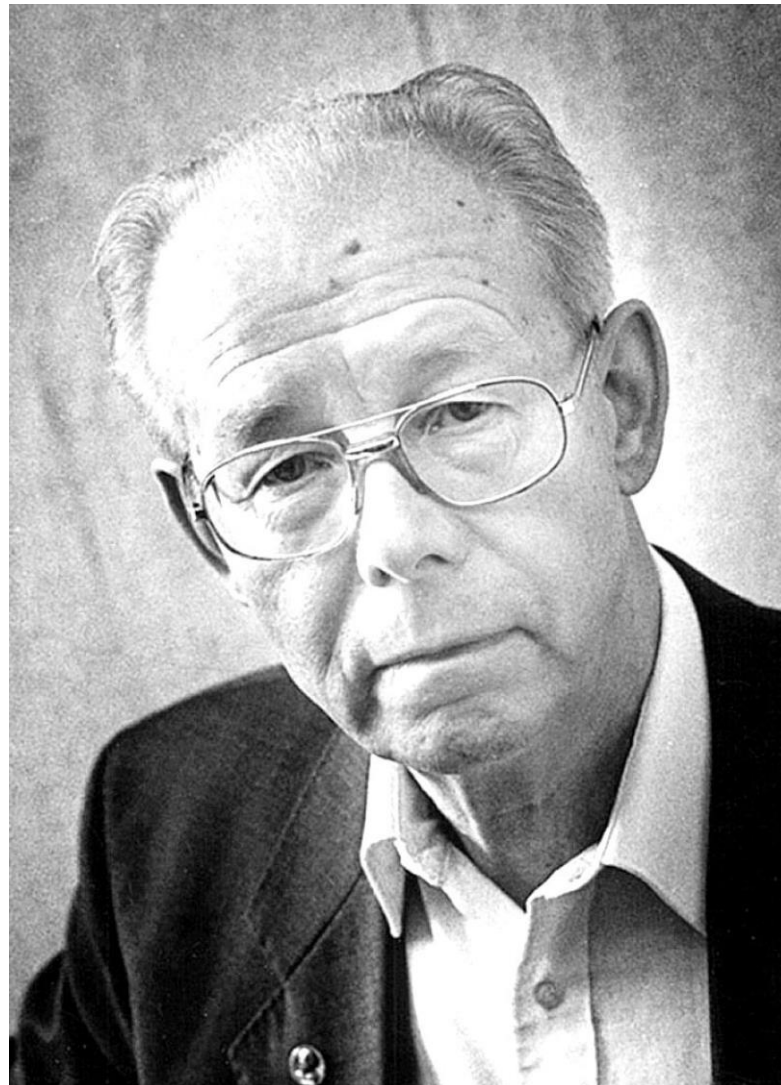

«ИЗ НАС, МАЛЬЧИШЕК, СРОЧНО ДЕЛАЛИ ВОИНОВ...»

На прошедшей недавно встрече ветеранов с новосибирскими журналистами своими воспоминаниями о военном времени поделился академик Олег Федорович Васильев. В годы Великой Отечественной войны он был связистом, воевал на Калининском, 3-м Белорусском фронтах, участвовал в боях под Смоленском, тяжело ранен под Витебском. Награжден орденом Отечественной войны I степени, медалями «За оборону Москвы» и «За отвагу».

— В июне 1941 года, когда началась Великая Отечественная война, я окончил школу-семилетку и собирался продолжить учебу в 8-м классе. Однако за несколько дней до начала войны в армию был призван мой отец. Позже я узнал, что это была специальная мобилизация — по поручению Генштаба

Московский военный округ должен был сформировать штаб будущего Южного фронта. Я эти вещи узнал много позже из мемуаров начальника тыла Южного фронта. 23 июня мы с отцом распрощались на Киевском вокзале, на товарной станции — меня чудом нашел случайный человек с запиской от отца. Эшелон отбыл этой же ночью, как оказалось, на Украину. Из Винницы отец прислал гражданское по внешнему виду письмо, где написал, что идет штабная учеба. В общем, явно шло сколачивание штаба Южного фронта. Вскоре начались бои на территории Украины, немцы продвигались всё глубже. В конце августа отец был направлен в командировку, позже я узнал, что в штаб одной из двух армий, которые попали в окружение под Уманью. С тех пор никаких вестей от него не было. Мы получили последнее письмо от его товарищей, а потом и официальное извещение. Всю войну была, по правде говоря, какая-то слабая надежда, что он жив, хотя, побывав на фронте, я понимал, что никаких надежд не может быть для тех, кто попал на фронт в самом начале войны.

Довольно хорошо помню ситуацию в Москве в 1941 году, которую я видел глазами 16-летнего паренька, и в 1942 году, когда мне исполнилось уже 17 лет. В том числе и темные страницы истории Москвы военного времени (например, 16 октября, о котором был недавно поставлен документальный фильм, не вполне удачный). Осенью вместе с другими школьниками я побывал на заготовке овощей для Москвы, затем поступил на работу, был чернорабочим-пожарником на одной из крупных московских овощных баз, пока там еще была работа. 16 октября было объявлено осадное положение, фронт подошел вплотную к столице. Обстановка, видимо, была настолько неустойчивая, что властям не удалось скрыть, что произошло что-то необычное. Более того, налицо были признаки, что Москва, может быть, готовилась даже и к сдаче или, во всяком случае, к боям. Неожиданно к обычному пайку выдали муку — чуть ли не по пуду. Так просто выдавать бы не стали. Ещё через пару дней я был в числе мобилизованных на строительство оборонительных сооружений. Это уже была третья линия обороны Москвы: первая — в районе Вязьмы, вторая — Можайск-Волоколамск, третья линия строилась уже непосредственно в окрестностях. Тому крупному строительному подразделению, куда я попал, пришлось работать на строительстве оборонительных сооружений вдоль Калужского шоссе. В то время это была сельская местность: поле, несколько четырехэтажных домов, откуда людей эвакуировали и куда поселили нас. Там мы работали несколько недель.

В 1942-м году всё уже устоялось по-военному, жили мы на паек, очень скромный для тех, кто имел карточки служащего или иждивенца. Но, тем не менее, в Москве была организована учеба — так называемые экстернаты, где в течение нескольких месяцев шла очень интенсивная учеба, после которой обещаны были документы об окончании того или иного класса. Осенью 42-го я форсировал учебу, чтобы закончить школу до мобилизации в армию. Я был принят с некоторыми условиями на инженерный факультет Тимирязевской

сельскохозяйственной академии. Несколько месяцев учебы на этом факультете, затем лесозаготовки, по возвращении с которых уже в Москве мы прочитали объявление военкомата о том, что лица 1925 года рождения мобилизуются в армию.

1 февраля 1943 года я после прохождения комиссии напрямую из военкомата был направлен во 2-е Московское военно-пехотное училище, которое находилось в Филях и было создано как дополнение к знаменитому Кремлевскому военно-пехотному училищу, где готовили по ускоренной программе младших лейтенантов, фактически командиров взводов. Очень интенсивная учеба, тяжелый режим: из нас, мальчишек, старались быстро сделать взрослых людей, воинов.

Так продолжалось до августа. За это время мы успели построить полевой лагерь под станцией Крюково, около Москвы. Несколько месяцев полевых занятий тоже с очень большой нагрузкой, а мы все были после первой голодной московской зимы отнюдь не крепыши... В августе 1943 года нас направили в действующую армию.

Я и мой друг Володя Самойлов с большой группой курсантов были направлены в 69-й стрелковый полк 97-й стрелковой дивизии. Фактически это было переформирование дивизии, которая вышла с боев на Курской дуге, понеся очень большие потери. Конечно, мы поняли, что значит битва такого масштаба — в полках оставалось лишь по несколько десятков человек, в основном старший офицерский состав. К этому времени после печальной затяжной битвы с большими потерями Ржев был взят. Неподалеку от города у нас было две-три недели учебы в полевых условиях, шло сколачивание новых подразделений, и я оказался в 3-м стрелковом батальоне 69-го стрелкового полка во взводе связи. И это было неслучайно: специально подготовленных связистов в армии было явно недостаточно, а в училище нас готовили по очень серьезной, многоотраслевой программе. Фактически на базе курсантского состава и был скомплектован этот взвод, я был назначен помощником командира.

Вскоре наша дивизия ночными маршами стала перебрасываться в район Смоленска. Город был еще у немцев. Это были изнурительные ночные марши: по ночам мы шли, покачиваясь от усталости, а днем по возможности отсыпались. После очередного перехода вышли в район Духовщины, недалеко от Смоленска. Это была линия фронта, и здесь уже шли серьезные бои, в которые включились и мы. Операция по освобождению Смоленска была в полном разгаре, и мне довелось принять в ней участие на первом этапе пребывания на фронте.

Во второй день боев группа нашего взвода связи попала под минометный обстрел. Я в это время обеспечивал связь с одной из рот. Командир взвода и старшина были контужены, тяжело ранен был один из моих товарищей, у него были перебиты обе бедренные кости, и мне пришлось накладывать ему повязки и вытаскивать его из-под огня. Командование взводом перешло ко

мне, не бог весть какому опытному в тактике связисту. На второй день замполит подошел к тому окопу, в котором я сидел вместе с комсоргом батальона, и сказал комсоргу командным тоном: «Его представить к награждению медалью «За отвагу»!»

...Последующие тяжелые бои шли с большими потерями. Вскоре наша дивизия была несколько сжата, наш третий батальон был слит с одним из смежных батальонов, потому что наш комбат был ранен. Я был в тот момент рядом с ним на наблюдательном пункте. Дальше дивизия и полк двинулись в сторону Витебска. На Смоленщине бои шли за отдельные населенные пункты, районные центры и города. И вот дивизия дошла до Белоруссии. Здесь немцы успели к осени, к октябрю-ноябрю 43-го года, устроить мощные эшелонированные линии обороны, начались затяжные бои. Противнику удалось задержать нашу армию здесь чуть ли не на девять месяцев — до операции «Багратион», до конца июня 44-го года. Пришлось участвовать в нескольких наступлениях, целью которых ставился даже прорыв обороны.

В одном из таких наступлений, 23 декабря, будучи направленным для восстановления связи с одной из рот в только что захваченных немецких траншеях, я и был ранен. Мне в одиночку пришлось пробираться по бывшей нейтральной территории, под обстрелом. Я был фактически мишенью — снег уже лежал, никаких маскхалатов у нас не было... Добрался до траншеи и уже готовился нырнуть в нее, и в это время снайпер всё-таки достал меня.

Из эвакогоспиталя довольно быстро я попал в число тех, кого отправили подальше в тыл. Проехали мы через Смоленск, затем по пути на восток я умудрился попасть в поезд, который привез меня в Москву, где я продолжил лечение в госпитале.

В апреле 1944 года я был демобилизован с инвалидностью, вернулся на учебу. С осени продолжил учебу на втором курсе, но уже в институте, который был связан с Тимирязевской академией — в Московском гидромелиоративном. Однажды кто-то из наших преподавателей пригласил старого профессора-гидравлика, ученика Н.Е. Жуковского, прочитать лекцию. Он уже успел отсидеть в лагерях, поработать на строительстве канала. Профессор прочитал лекцию «Изгиб потока жидкости, струящейся лентой» — такой вот романтик был. И это дело меня увлекло. Я достал его книжки, начал читать, а потом взял и пришел к нему. Жил он в бараке около института. Он страшно был удивлен, но, тем не менее, мы подружились. А интерес к гидродинамике у меня остался на всю жизнь.

Подготовила В. Садыкова, «НВС»

Источник:

Васильев О. Ф. «Из нас, мальчишек, срочно делали воинов...»: [интервью] / О. Ф. Васильев, подгот. В. Садыкова // [Наука в Сибири](#). 2010. N 18. С. 4